

В.Г. Белинский

«Песня про царя Ивана Васильевича,
молодого опричника и удалого купца Калашникова»

(отрывок из статьи «Стихотворения М. Лермонтова»)

<...>

В 1838 году была напечатана... поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»; это произведение сделало известным имя автора, хотя оно явилось без подписи этого имени... Здесь поэт от настоящего мира не удовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошлое, подслушал биение ее пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим... принял условия ее грубой и дикой общности, со всеми их оттенками, как будто бы никогда и не знал о других, — и вынес из нее вымышленную быль, которая достовернее всякой действительности, несомненное всякой истории.

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твое любимого опричника,
Да про смелого купца Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали, да присказывали...

И подлинно, этой песни можно заслушаться: как манием волшебного скипетра, воскрешает она прошлое — и мы не можем насмотреться на него, забываем для него свое настоящее, ни на минуту не сводим с него взоров, боясь, чтоб оно не исчезло от нас...

Поэма начинается картиною царского пира: в золотом венце своем сидит грозный царь, окруженный стольниками, боярами, князьями и опричниками... Он велит наполнить золотой ковш заморским вином, обнести пирующих... Лишь только один из опричников

В золотом ковше не мочил усов

и сидел с крепкою думою на сердце... Царь стукнул об пол своею палкой с железным наконечником — палка на четверть вонзилась в дубовый пол..:

«Гей ты, верный наш слуга Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?..
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушаться...

Низко кланяясь, опричник просит у царя извинения... Царь спрашивает о причине печали, и его вопросы — перлы народной нашей поэзии, полнейшее выражение духа и формы русской жизни того времени... Вина печали удалого бойца — молодуха, которая закрывается фатою, когда на него любуются красные девушки:

...Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки смелые,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчовые...

Отпусти меня в степи приволжские,
 На житье на вольное, на казацкое,
 Уж сложу я там буйную головушку
 И сложу на копье басурманское...

Какая сильная, могучая натура! Ее страсть — лава, ее горесть тяжела и трудна; это удалое, разгульное отчаяние, которое в молодечестве, в подвиге крови и смерти ищет своего утоления!..

Со смехом отвечает царь своему любимому слуге, что его горю-беде не мудрено помочь, предлагает ему яхонтовый перстень и жемчужное ожерелье, велит сперва поклониться «смышленной» свахе, а потом послать к своей Алене Дмитриевне дары драгоценные:

Как полюбишься — праздной свадебку,
 Не полюбишься — не прогневайся. —
 Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
 Обманул тебя твой лукавый раб,
 Не сказал тебе правды истинной,
 Не поведал тебе, что красавица
 В церкви божией перевенчана,
 Перевенчана с молодым купцом
 По закону нашему христианскому...

Как удар грома, как приговор смерти, поражает душу читателя этот ответ опричника, — и тщетно испуганный слух его ждет, что скажет на это грозный царь: поэт опускает занавес на эту так трагически недоконченную картину, так страшно прерванную сцену... Вы видите, что любовь Кирибеевича — не шуточное дело, не простое волокитство, но страсть природы сильной, души могучей. Вы понимаете, что для этого человека нет середины: или получить, или погибнуть! Он вышел из-под опеки естественной нравственности своего общества, а другой, более высшей, более человеческой, не приобрел: такой разврат, такая безнравственность в человеке с сильной натурой и дикими страстями опасны и страшны. И при всем этом он имеет опору в грозном царе, который никого не пожалеет и не пощадит, даже за обиду, не только за гибель своего любимца, хотя бы этот был решительно виноват.

Занавес поднят — и перед нами новая картина: молодой купец, статный молодец, Степан Парамонович, по прозванию Калашников, за прилавкою...

На сцене является представитель другого класса общества. Первое его появление на сцену располагает вас в его пользу: почему-то вы чувствуете, что это один из тех упругих и тяжелых характеров, которые тихи и кротки только до тех пор, пока обстоятельства не расколыхают их, одна из тех железных натур, которые и обиды не стерпят и сдачи дадут...

Калашников запирает свою лавочку дубовой дверью «да немецким замком со пружиною»...

Пришед в свой «высокий» дом, Степан Парамонович дивится, что его не встречает ни молодая жена, ни малые детушки, что дубовый стол не покрыт белой скатертью, и свечка перед образом еле теплится. Кличет он старуху Еремеевну и спрашивает, куда в такой поздний час «девалась, затаилась» Алена Дмитриевна... И слышит ответ:

...К вечерне пошла Алена Дмитриевна:
 Вот уж поп прошел с молодой попадьей,
 Засветили свечу, сели ужинать, —
 А по сию пору твоя хозяйюшка
 Из приходской церкви не вернулася...

Смутился Степан Парамонович крепкою думою.

И он стал к окну, глядит на улицу -(...)
 Вот он слышит, в сенях дверью хлопнули,
 Потом слышит шаги торопливые;
 Обернулся, глядит — сила крестная! —

Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая...
Смотрят очи мутные, как безумные,
Уста шепчут речи непонятные...

Жена рассказывает мужу, что, шедши от вечерни домой, услышала за собою чьи-то шаги, «оглянулася — человек бежит»; этот человек схватил ее за руки, говоря ей, что он слуга царя грозного, прозывается Кирибеевичем, а из славных семьи из Малютиной...

И он стал меня целовать-ласкать,
А целуя все приговаривал:
— Отвечай мне, что тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!..
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать...
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!..

Рванувшись из рук его, она оставила у него свою фату бухарскую и узорный платок — подарочек мужа. Заключение ее рассказа состоит в жалобах на свой позор и в просьбах мужу — не дать ее, свою верную жену, в поругание злым охульникам. Тогда Степан Парамонович посылает за своими двумя меньшими братьями и рассказывает об обиде, нанесенной ему злым опричником царским:

А такой обиды не стерпеть душе,
Да не вынести сердцу молодецкому! —

говорит им о своем намерении — биться насмерть с опричником на кулачном бою, который будет завтра на Москве-реке, при самом царе, и просит их постоять за правду, если сам будет побит.

И в ответ ему братья молвили:
...«Ты наш старший брат, нам второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим»...

Превосходно подчеркнул поэт в этом ответе, будто мимоходом, и простоту родственных отношений наших предков, где право первородства было и правом власти, где старший брат заступал место отца для младших... Этою сценою семейного совещания оканчивается вторая часть драматической поэмы; действующие лица и завязка действия уже резко обозначились, — и сердце наше замирает от предчувствия горестной развязки...

На Москву-реку сходились удалые молодцы, «разгуляться для праздника, потешиться». Сам царь приехал с дружиною, боярами и опричниками... Потом царь велел вызывать охотников:

Кто побьет кого, того царь наградит,
А кто будет побит, тому бог простит!

Выходит Кирибеевич и с похвальбою вызывает супротивников, обещаясь «лишь потешить царя-батюшку, но для праздника отпустить живого».

Вдруг раздалась толпа — и выходит Степан Парамонович...

...Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот оно — ужасное торжество совести в глубокой натуре, которая никогда не отретится от совести, как бы ни была искажена развратом, как бы ни страшно погрязла в пороке!..

Начинается бой; правая сторона победила,

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво...

Не правда ли: вам жаль удалого, хотя и преступного бойца? С невыразимой тоскою повторите вы за поэтом жалобную мелодию, которую выразил он его падение... А между тем вы же сами желали победы благородному купцу и гибели его преступному оскорбителю... Таково обаяние великих натур: как бы ни было велико их преступление, но, наказанные, они привлекают всё удивление и всю любовь нашу: мы видим в них жертвы неотразимой судьбы и братским поцелуем прощания и прощания в холодные, посинелые уста их запечатлеваем торжество восстановленной их смертью гармонии общего, которую нарушили было они своей виною...

Грозный царь воспалился гневом и спрашивает Калашникова: вольною волей или нехотя убил он его верного слугу и лучшего бойца? Вероятно, Калашников мог бы еще спасти себя ложью, но для этой благородной души, дважды так страшно потрясенной — и позором жены, разрушившим его семейное блаженство, и кровавою мстью врагу, не возвратившему ему прежнего блаженства, — для этой благородной души жизнь уже не представляла ничего обольстительного, а смерть казалась необходимою для уврачевания ее неисцелимых ран... Есть души, которые довольствуются кое-чем — даже остатками бывшего счастья; но есть души, лозунг которых — всё или ничего, которые не хотят запятнанного блаженства, раз потемненной славы: такова была душа удалого купца, статного молодца, Степана Парамоновича Калашникова! Он сказал царю всю правду, скрыв, однако, причину своего мщения:

А за что, про что — не скажу тебе!
Скажу только богу единому!..

Он охотно идет на казнь и лишь просит царя «не оставить своей милостью малых детушек, молодой жены да двух братьев его». В ответе царя резко, во всем страшном величии, высказывается колоссальный образ Грозного:

Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести,
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйну головушку...

Какая страшная трагедия! сама судьба, в лице Грозного, присутствует пред нами и управляет ее ходом!.. И едва ли во всей истории человечества можно найти другой характер, который мог бы с большим правом представлять лицо судьбы, как Иоанн Грозный!..

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
В крови на плаху покатила...
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилою...

...Но над этой могилой веет жизнь, царит воспоминание, немой речью говорит предание:

И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,

Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

Какие роскошные дани, какие богатые жертвы приносятся этой могиле живыми! И она стоит их, ибо не живые в ней, мертвой, — но она, мертвая, рождает жизнь в живых: заставляет их и креститься, и приосаниваться, и пригорюниваться, и петь песни!..

Излагая содержание этой поэмы, уже известной публике, мы имели в виду намекнуть на богатство ее содержания, на полноту жизни и глубину идеи, которыми она запечатлена; что же до поэзии образов, роскоши красок, прелести стиха, избытка чувства, охватывающего душу огненными волнами, свежести колорита, силы выражения, трепетного, полного страсти одушевления, — эти вещи не толкуются и не объясняются...

И в этом отношении нельзя довольно надивиться поэту: он является здесь опытным, гениальным архитектором, который умеет так согласить между собою части здания, что ни одна подробность в украшениях не кажется лишнею, но представляется необходимою и равно важною с самыми существенными частями здания, хотя вы и понимаете, что архитектор мог бы легко, вместо ее, сделать и другую. Как ни пристально будете вы вглядываться в поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишнего или недостающего слова, черты, стиха, образа; ни одного слабого места: всё в ней необходимо, полно, сильно!.. Поэма Лермонтова — создание мужественное, зрелое и столько же художественное, сколько и народное...

Эта «Песня» представляет собою факт о кровном родстве духа поэта с народным духом и свидетельствует об одном из богатейших элементов его поэзии, намекающем на великость его таланта. Самый выбор этого предмета свидетельствует о состоянии духа поэта, недовольного современною действительностию и перенесшегося от нее в далекое прошедшее, чтоб там искать жизни, которой он не видит в настоящем...

<...>